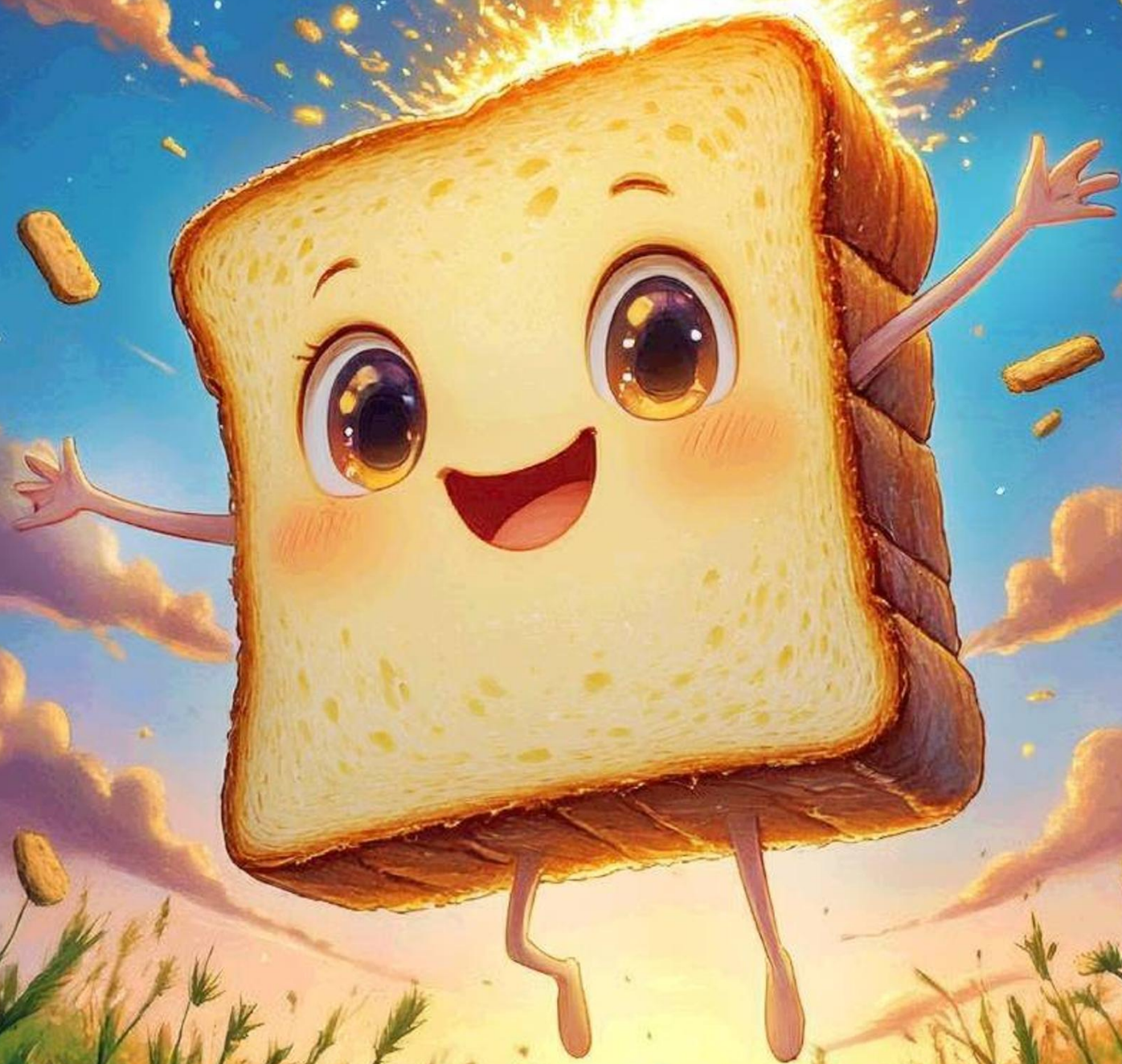

Хлебокалипсис

Мия Асакура

Мия Асакура

Хлебокалипсис: Начало

«Автор»

2026

Асакура М. V.

Хлебокалипсис: Начало / М. V. Асакура — «Автор», 2026

Говорят, мир мог бы быть идеальной планетой для суши. Рисовые поля, Соевые болота, Имбирные леса, Васабийные шахты. Но в последний момент что-то пошло не так. Незнакомец чихнул — и продукты обрели ноги, голоса и лица. Началась эра Хлебокалипсиса. В центре этого бедлама — ржавый Тостер и его творение, кусок хлеба по имени Тостик (которое, к слову, ещё нужно заслужить). Надменное Яйцо в золотой короне угрожает всему живому, а старый Тостер решает: пора действовать. То есть... поспать. А Тост всё сделает за него.

© Асакура М. V., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Легенда о Хлебокалипсисе (и Великий Чих)	5
Конец ознакомительного фрагмента.	7

Мия Асакура

Хлебокалипсис: Начало

Легенда о Хлебокалипсисе (и Великий Чих)

Давным-давно, когда мультиверс был молод, а боги ещё не устали от своих ипостасей, жил-был Незнакомец.

Никто не знал, откуда он взялся. Одни говорили — из трещины между Пятым и Шестым измерением, где время заикается, а пространство заигрывает с каждым, кто проходит мимо. Другие клялись, что видели его в очереди за солью в конце времён. Третьи просто пожимали плечами и добавляли: «Какая разница? Он хотя бы чаем угощает».

Незнакомец путешествовал между мирами. Не с великой целью, не ради спасения принцесс или свержения тёмных властелинов. Нет. Он собирал блестяшки. Монетки, которые никто не ценил. Осколки разбитых зеркал. Крышки от бутылок с неизвестных планет. Иногда — особенно удачливым вечером — ему попадалась настоящая звёздная пыль, но она быстро тускнела в карманах, поэтому он перестал её собирать.

Ещё он пил чай с мятой. Всегда. В любом мире и времени. Если вы встречали Незнакомца, а вы не встречали, потому что он не любил шумные компании, то обязательно заметили бы: в одной руке — кружка с отбитым краем, в другой — очередная блестяшка. И он чихал.

Ах да, аллергия.

Никто не знал, откуда она взялась. То ли на болгарский перец, то ли на чужую глупость. Либо на слишком прямые вопросы. Сам он не жаловался. Он просто чихал так, что в радиусе трёх миров вылетали пробки из бутылок и женщины теряли шляпки.

И вот однажды — та самая история — он проходил мимо ничем не примечательного мира.

Мир этот был пуст, скучен, неинтересен. Даже мухи там не водились, потому что им нужно хоть какое-то вдохновение. Пространство простиралось бесконечной серой равниной, посреди которой торчал одинокий, никому не нужный стол. Без праздничной скатерти, просто столешница, забытая творцом на этапе черновика.

Незнакомец как раз нёс кружку с мятным чаем, третья заварка, уже не та густота, но ещё и не вода. В кармане у него лежала блестяшка — какая-то железка с Дилумии или Цикатрикса, похожая на кнопку от тостера, хотя он сам этого не знал. Он чихнул.

Не от перца, не от глупости. Просто так совпало.

Капелька его магии — фиолетовая, пахнущая ванилью и почему-то болотом — сорвалась с кончика носа и упала прямо в этот мир, на ту самую забытую столешницу.

Планета на мгновение застыла.

Сначала было тихо. Потом странные голоса с полей становились громче. Незнакомец пролил чай и выругался, но мягко, он вообще не любил ругаться. Он посмотрел вниз, увидел, что натворил, вздохнул и пошёл дальше. Потому что у него было правило: не исправлять свои ошибки до следующего вторника, а сегодня была среда.

Мир остался один, но он уже не был пустым.

Он ожил неправильно.

Продукты на кухнях обрели ноги. А кухни почему-то начали появляться из ниоткуда — словно вселенные вдруг решили, что самое важное в жизни — это готовить.

Столовые приборы научились говорить. Холодильники начали сплетничать. Оказалось, у них отличная память на температуру, но ужасная — на имена. Тостеры — философствовать. Чайники — задираться. Одна особенно нервная вилка даже попыталась объявить себя коро-

левой, но её быстро поставили на место чайные ложки. Они всегда были скромнее и их было больше по численности.

Обычные поля с травой стали Укропными пустошами. Там укроп пах так, что у любого нормального человека заслезались бы глаза, но в этом мире нормальных не осталось.

Вместо морей заплескалось Сырное море — жёлтое, вязкое, с кусками заплесневелой корки вместо льдин. Говорят, если вслушаться, оно тихо вздыхало по ночам. Может, тосковало по обычной воде. Или же переваривало очередного смельчака.

Имбирный лес зарозовел. Не потому, что так задумано, а потому, что розовый — единственный цвет, который не вызывал у местных грибов аллергию. А грибы там были здоровенные, с глазами и вредным характером.

Огуречная пустошь покрылась колючками. Огурцы — они такие. Даже когда становятся пустошью, они находят способ уколоть.

А в центре всего этого бедлама, там, где законы физики пошли курить бамбук...

...там пока ничего не было.

Но очень скоро должно было появиться.

Потому что капелька магии упала не куда-нибудь, а прямо на старую столешницу. А на столешнице уже много лет пылился забытый всеми, никому не нужный, ржавый Тостер.

И ему было что сказать.

Незнакомец не знал, что его чих перевернёт всё. Он просто чихнул — и пошёл дальше собирать блестяшки.

Только это уже совсем другая история.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.